

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'232.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-2-58-65>

Д. Н. Овсянко-Куликовский и проблемы современной лингвистики

Вера Анатольевна Пищальникова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия,
pishchalnikova@mail.ru, <https://orcid.org/000-0002-0992-0466>

Аннотация. Актуальность статьи определяется ее историографической целью – показать, что некоторые положения концепции Д. Н. Овсянко-Куликовского опережали свое время. Основательно они развиваются только в современных междисциплинарных направлениях лингвистики. Эти положения акцентировали, что художественная речь – психологическая деятельность человека, на которую воздействуют социально-культурные факторы, специфически объединяясь в личности каждого творца с индивидуально-психологическими. Отсюда проблемы художественного творчества ученый стремится изучать как целостную систему «психологии языка, мысли и творчества». Такой подход базируется на глубоком убеждении, что все элементы психики человека эволюционно все более синтезируются, и только это приводит к появлению личности. Материал исследования – статьи ученого и ряда авторов неперiodического издания «Вопросы теории и психологии творчества», выходявшего в 1907–1923 гг.

Ключевые слова: Д. Н. Овсянко-Куликовский, психология творчества, психологический метод, экономия мыслительных усилий, соотношение чувства и мысли

Для цитирования: Пищальникова В. А. Д. Н. Овсянко-Куликовский и проблемы современной лингвистики // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 2. С. 58–65. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-2-58-65>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

D. N. Ovsyaniko-Kulikovsky and problems of modern linguistics

Vera A. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, pishchalnikova@mail.ru,
<https://orcid.org/000-0002-0992-0466>

Abstract. The relevance of the article is determined by its historiographical purpose – to show that a number of provisions of the concept of D. N. Ovsyaniko-Kulikovsky were ahead of their time and developed thoroughly only in modern interdisciplinary areas of Linguistics. These provisions emphasized that artistic speech is a psychological activity of a person, which is influenced by socio-cultural factors via specific combinations with individual psychological factors in the personality of each creator. That is why the researcher strives to study the problems of artistic creativity as an integral system of “psychology of language, thought and creativity”. This approach is based on the deep conviction that all elements of the human psyche are increasingly synthesized evolutionarily, and only this leads to the appearance of personality. The research is based on the material of the scientist’s articles and articles of a number of authors of “Issues of Theory and Psychology of Creativity” in 1907–1923.

Keywords: D. N. Ovsyaniko-Kulikovsky, psychology of creativity, psychological method, economy of mental effort, correlation of feeling and thought

For citation: Pishchalnikova V. A. D. N. Ovsyaniko-Kulikovsky and problems of modern linguistics. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(2):58–65. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-2-58-65>.

Введение. Писать юбилейные статьи сложно. Особенно о тех юбилеях, которые всё дальше отстоят от современности. Во-первых, потому что, например, в лингвистике научные приоритеты, парадигмы и даже, увы, мода меняются быстро и непредсказуемо. Во-вторых, концепция любого значительного исследователя изучается многие годы тщательно, детально, и, кажется, к очередному юбилею каждая строчка научного наследия уже осознана, классифицирована и заключена в рамки надежащего направления.

И тем не менее есть в науке такие личности, которые вызывают непреходящий интерес, привлекая к себе не только новых почитателей, но и заставляя знакомых с концепцией вновь и вновь перечитывать известные строки, стремясь постичь их подчас провидческую глубину.

К таким личностям принадлежит Д. Н. Овсяннико-Куликовский (1853–1920) — лингвист и литературовед, культуролог-энциклопедист, культурфилософ, историк общественной российской мысли, теоретик искусствознания, который был в свое время не просто известен, но знаменит. Он уловил гениальность идей В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни и пытался обосновать необходимость возникновения в лингвистике предметного поля, которое станет реальным через полвека после ухода ученого из жизни. Вот об этом — о попытке Д. Н. Овсяннико-Куликовского сформулировать лингвистические (и не только) идеи, опережающие свое время, — и хотелось бы поразмышлять.

Научное творчество Д. Н. Овсяннико-Куликовского историографы лингвистики включают в «поттебнианский круг», хотя относимые к нему ученые, как правило, общности этого круга формально не фиксировали и работали в различных интересных для них направлениях, что часто приводило, благодаря таланту исследователей, к выработке оригинальных концепций. Так, Т. И. Райнов, которого называют полигистором — человеком, сведущим во многих науках, просвещенный библиотечкарь-эрудит, философ, историк науки, исследователь психологии творчества, был одновременно хорошо образованным и в области естественных наук, что позволило ему стать основателем наукометрии в нашей

стране [Илизаров 2017]. В круг полигисторов с полным основанием можно включить и «поттебнианца» Б. А. Лезина — философа, историка науки, экономиста, литературоведа, социолога, психолога, библиографа, который изучал динамику развития науки, применяя статистические методы, а вместе с тем глубоко задумывался над стилями научного мышления, психологией художественного творчества. К этому же кругу ученых можно причислить и А. Г. Горнфельда, литературоведа, переводчика, литературного критика, публициста и журналиста, и А. Л. Погодина, историка, филолога, литературоведа, основателя и председателя Русского археологического общества в Королевстве сербов, хорватов и словенцев... Все они получили прекрасное образование, жили и работали в разных местах, но внутренне, содержательно их объединяло учение А. А. Потебни, на идеи которого так или иначе все они опирались и развивали их в неперiodическом издании «Вопросы теории и психологии творчества», которое выходило в Харькове под общей редакцией Б. А. Лезина с 1907 по 1923 г., причем в первом сборнике представлена разработка идей поэтик А. А. Потебни и А. Н. Веселовского, а позже — и различных других направлений психологии творчества, значимых проблем лингвистики и др. Важно, что в первом сборнике освещались наиболее актуальные вопросы художественного творчества, которые были связаны с философской проблемой познания действительности. Опубликованные работы сосредоточивали внимание исследователей на важнейшей составляющей эстетической вербальной деятельности — психологии творческого процесса. Кроме того, актуализировался и вопрос личностного, «авторского» содержания текста.

Некоторые исследователи отмечают, что «Харьковская школа» не унаследовала широты, системности, универсальности, глубины концепции своего учителя и не смогла по-настоящему овладеть его методологией и тем более развить ее. Она ограничила круг исследования довольно узкой сферой (хотя и достаточно обширной самой по себе) — сферой анализа собственно психологических проблем творческого процесса и психологического содержания литературных произведений. При этом

оторвалась от текста, отошла от системного исследования структуры внутренней формы и тем самым в некоторой степени способствовала дискредитации самого психологического метода исследования литературы» [Сухих 2001: 4]. Однако ограничение круга научных проблем, как правило, связывается не с недостатками теоретико-методологического характера, а со специализацией объекта исследования, поэтому, на наш взгляд, сосредоточение усилий целого ряда крупных ученых на проблематике психологии творчества наметило совокупность фундаментальных вопросов в этой области, остающихся актуальными и сейчас. Это установление сущности психических процессов и даже некоторые попытки объяснить их нейрофизиологическое основание, постановка проблемы репрезентации и восприятия «авторского» содержания текста, культурологическое содержание языковых репрезентантов авторского доминантного смысла, специфика мышления создателя художественного текста и «стили» художественного мышления и некоторые другие. Перечисленные проблемы только намечали парадигму изучения художественной речи как одного из типов психологической деятельности человека: до создания теории речевой деятельности было еще почти 50 лет. Но исследователи уже хорошо понимали, что у лингвиста нет другого способа моделировать психологические процессы, кроме как с опорой на знаки языка. Терминология психологического литературоведения только зарождалась и еще практически не соотносилась с собственно лингвистической, поэтому проблема моделирования актуального авторского содержания формулировалась как бы в отрыве от текста и от традиции предшествующего литературоведения, для которого было характерно установление ассоциативных и логико-понятийных связей между словом и его культурным содержанием. Для «потембнианцев» же смысл слова порождается только в индивидуальной мыслительной деятельности, которая неосуществима без оперирования знаками языка (поэтому так часто в работах повторяется гумбольдтианско-потембнианский тезис «Язык — орудие мышления»).

Б. М. Энгельгардт, автор ряда оригинальных литературоведческих концепций формализма, критикует «потембнианцев» за

то, что для них главное — «сознание поэта как поток разнообразных психических процессов, внутренне не связанных между собою, а только внешне объединенных общностью родового понятия (процессы художественного творчества и пр. и пр.)» [Энгельгардт 1995: 36–37]. В рамках его исследовательской парадигмы такая проблема не является актуальной; формалистическое направление не ставит своей задачей ни исследование мотивации процессов речевой деятельности, ни изучение факторов, определяющих ее продуцирование, однако это не исключает важности поиска теоретико-методологических оснований изучения психологии вербального творчества.

Такие поиски в конце XIX — начале XX в. не имели возможности опереться на психологические концепции, способные объяснить сущность речевой деятельности, — их просто не было, и тем значительнее попытки Д. Н. Овсянко-Куликовского и других «потембнианцев» выстроить более или менее системные представления о психологии творчества и артикулировать идеи, которые будут детально представлены в «Психологии искусства» Л. С. Выготского. Кроме того, психологическое направление в русском языкознании и литературоведении — это весьма удачные попытки привлечения внимания к совокупности специфических проблем «системного шва», но только с середины XX в. формирование междисциплинарных объектов в лингвистике станет обычным делом.

В современном языковедении психология творчества рассматривается в ряде лингвистических направлений в разных аспектах, а положение Б. М. Энгельгардта о том, что психология творчества не может быть выведена из самого текста художественного произведения и потому ничего в нем не объясняет, подвергается, например в психолингвистике, самым обоснованным сомнениям. В языковедении, исследующем язык как один из видов психической деятельности человека, в антропоцентрической лингвистике научные изыскания «потембнианцев» по проблеме психологии творчества вполне приемлемы и могут быть результативно использованы в решении ряда вопросов: моделирование

авторского содержания текста, моделирование личности по тексту, способы репрезентации эмоционально-оценочного содержания в художественном тексте, специфика эстетической вербальной деятельности и т. д.

Анализ и обсуждение материала. Уже в первой своей научной работе Д. Н. Овсяннико-Куликовский выдвигает идею о влиянии ритма, присущего конкретному языку, «на младенческую психику первобытного человечества возбуждающим, экстагическим образом», о том, что ритм «явился стимулом мысли и творчества» [Овсяннико-Куликовский 1989: 335].

В конце XIX в. такая идея могла быть доказана только на основе сравнительно-исторического метода, господствовавшего в лингвистике. Вероятно, прав был А. А. Потебня, один из оппонентов Д. Н. Овсяннико-Куликовского на защите магистерской диссертации в 1884 г., указавший на неудачность этимологического анализа в работе и необоснованную категоричность суждений и выводов исследователя, подчеркнув, что «наука готовых истин не знает» (Цит. по: [Сухих 2001:]). Трудно доказать выдвинутую пионерскую идею, опираясь только на этимологический анализ как разработанный прием компаративизма, — нужны экспериментальные исследования, являющиеся сейчас распространенными и общепринятыми, но отсутствовавшие в конце XIX в. Современные психолингвисты экспериментально устанавливают связь между характером ритмических структур текста и эмоциональным их содержанием, активно используя понятие доминантной эмоции [Пищальникова 2021 и др.]. В лингвистике представлено отдельное направление — эмотиология, исследующее самые разнообразные способы репрезентации эмоций в языке [Шаховский 2008]. Однако идея, выдвинутая Д. Н. Овсяннико-Куликовским, воспринималась его современниками не только как не свойственная задачам языковедения, но и как чрезвычайно непривычная, даже экстравагантная. Иначе и быть не могло: Д. Н. Овсяннико-Куликовский в конце XIX в. только коснулся новой предметной области языковедческой науки — исследования психологической основы порождения речи, поскольку преобладающими были

иные направления, и его «переход в литературоведение», а по сути, сосредоточение на психологических проблемах речевой деятельности, был закономерным.

Положение А. А. Потебни о том, что «наука готовых истин не знает», магистрант Д. Н. Овсяннико-Куликовский взял на вооружение как один из методологических принципов, вновь и вновь обращаясь к уже изученным, казалось бы, проблемам и углубляя ранее высказанные положения. Конкретную реализацию этого принципа Д. Н. Овсяннико-Куликовский наблюдал на лекциях А. А. Потебни по синтаксису и теории словесности: «Излишне пояснять, как я был заинтересован этим курсом. И когда я прослушал его, новый мир мне открылся... Я воспринял научный метод Потебни. А это было главное, без чего нельзя было приступить к самостоятельной работе в данной области» (Цит. по: [Сухих 2001: 7]). Он обращает внимание на эволюцию синтаксических форм языка, и этот аспект, в современной теории речевой деятельности связывающийся с порождением речи, избирается ученым не случайно. В нем исследователь увидел «реальное движение мысли». И вполне объяснимо, что здесь Д. Н. Овсяннико-Куликовский не пошел дальше догадок и формирования первичных представлений: контекст научной мысли, как мы уже отмечали, пока не способствовал появлению междисциплинарных объектов исследования.

Вместе с тем, оставаясь лингвистом, Д. Н. Овсяннико-Куликовский понимал важность психологических и социологических данных, которые необходимо было привлекать для интерпретации собственно языковой системы, но особенно — проблем художественного творчества, которые он воспринимал как единую проблему «психологии языка, мысли и творчества». Ученый предполагал развернуть ее в особой книге, которую, к сожалению, оставил только в тезисах, во многом развивающих положения первых его работ по этой тематике.

Важнейшим вопросом, акцентированным в книге, стало **содержание «психики культурного человека», процессы ее становления и развития.**

Д. Н. Овсяннико-Куликовский полагает, что психика человека формируется взаимоотношением «мысли и чувства» — «двух душ», коренным образом отличающихся

друг от друга. Конкретная окрашенность чувства и нейтральность мысли — основа их противопоставления. Они имеют «свои особые законы, стремления, задачи» [Овсяннико-Куликовский 2001: 227], обуславливающие и душевное равновесие индивида, и его благополучие. Развитие мысли и чувства проявляется в их усовершенствовании, которое, с одной стороны, приводит к доминированию мысли, с другой — к более сильному синтезу всех элементов психики человека, порождающему личность. Любая мысль как процесс определенной степени абстракции от непосредственного чувствования нейтралзует последнее и поэтому становится «материалом, пригодным для создания картины мира, данной в представлениях и понятиях <...> Испытанное чувство исчезает, но наша психика обогащается новым опытом и становится на будущее время более восприимчивой к данному чувству» [Там же: 232]. Попутно отметим, что представления ученого о характере получения «нового опыта» вполне соотносимы с современными нейробиологическими представлениями: «восприимчивость психики» к сходным воздействиям, «большая легкость всякого нового появления в душе данного чувства» [Там же] или его «яркость» действительно имеют место и объясняются образованием устойчивых паттернов активации нейронов — следов уже состоявшихся процессов мышления.

Соотношение чувства и мысли в психологическом аспекте их развития глубоко понималось Д. Н. Овсяннико-Куликовским. Говоря о постоянном «обогащении чувствующей психики», он вводит понятие чувствоспособность — свойство психики все более операционально испытывать чувства разной модальности, степени их проявления и оценочности.

Все сказанное создает теоретико-методологическую основу для научного психологического метода изучения словесного творчества и позволяет Д. Н. Овсяннико-Куликовскому, говоря современным лингвистическим языком, моделировать особенности характера, мышления и темперамента художника слова, по сути, — творческой личности. Ученый предлагает оригинальную концепцию понимания творческого акта как взаимодействия 1) психологической и иной

интерпретации образа воспринимающим в соответствии с содержанием своего мыслительного опыта и 2) «авторского» содержания, которое устанавливается с опорой на объективные формы языка. Такая позиция чрезвычайно близка теории понимания в рамках современной отечественной психолингвистики (А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, Л. О. Бутакова, В. А. Пищальникова, Ю. А. Сорокин и др.). Исследователь выдвигает теорию «наблюдательного» и «экспериментального» искусства (об этом подробнее см.: [Пищальникова 2013; Шумейко 2014], а также изучает частные, но важные для филологии и языковедения вопросы, например специфичность ритма в разных литературных жанрах.

Соотношение сознательного и бессознательного в мышлении

Д. Н. Овсяннико-Куликовский, будучи хорошо знакомым с новейшей психологической научной литературой, вполне осознает, что «подавляющее большинство умственных актов совершается... за порогом сознания. И жизнь мысли лучше всего может быть определена как постоянное общение между сознанием и сферой бессознательной. Сохранение умственных приобретений в бессознательной сфере есть память, без которой ни умственная работа, ни прогресс мысли были бы невозможны. Но бессознательная сфера есть не только как бы склад, магазин образов, понятий, идей: она — арена умственной деятельности» [Овсяннико-Куликовский 2001: 229]. Индивид может осознавать результат мыслительного акта, но не сам его процесс, и в этом ученый видит основу для еще одного очень важного для него процесса — «огромного сбережения умственной силы. <...> Все, начиная с языка, бессознательные, автоматические процессы мысли (а имя им — легион) по праву рассматриваются как процессы, сберегающие, накапливающие умственную силу, которая этим путем освобождается для новой, дальнейшей, высшей деятельности. На этом основана сама возможность прогресса мысли, а за ним и всей психики» [Овсяннико-Куликовский 2001: 229–230].

Автоматизация использования языка (операционализация, говорим мы сейчас) осуществляется тоже в бессознательной сфере. И здесь Д. Н. Овсяннико-Куликовский

подчеркивает известную мысль В. фон Гумбольдта, воспринятую А. А. Потебней как важнейший постулат: язык — не только средство передачи мысли. Он прежде всего орудие мышления. В языке осуществляются сложнейшие процессы апперцепирования разных элементов и способов познания — от усвоенных в раннем детстве грамматических форм до понятий и способов их взаимосвязи. «Когда язык усвоен и стал привычным и необходимым орудием мысли, тогда грамматическая апперцепция сосредоточивается в сфере бессознательной, сохраняя с сознанием живую связь и постоянное общение, так что результаты его деятельности легко переходят в сознание» [Там же]. Бессознательные процессы высвобождают дополнительные ресурсы для творческой деятельности мышления, тогда как чувства, будучи сознательными, — это «расход души».

Ученый говорит о важности аффективной памяти в развитии личности индивида и подчеркивает, что бессознательная мысль вполне возможна, но трудно представить себе бессознательное чувство, «ведь чувство с его неизбежной окраской остается чувством до тех пор, пока оно ощущается, проявляется в сознании»; при этом мыслящий субъект может неверно понять испытываемое чувство, а уж тем более вполне может ошибиться в представлении, поскольку «есть немало сложных и тонких чувств, трудно поддающихся отчетливому отражению в слове» [Овсяннико-Куликовский 2001: 231].

Взаимосвязь поэтического и прозаического мышления

В предисловии к сборнику «Вопросы теории и психологии творчества» 1911 г. Б. А. Лезин, видимо, представляя некоторые единые принципы рассмотрения психологии словесного творчества авторами издания, берущие начало в концепции А. А. Потебни, писал: «На непонятные явления природы дух человеческий... отвечает двояко: или разнообразие их он подводит под обобщающие формулы законов (научное творчество), или придает им *единство* в художественных образах, символах, в словесных или пластических выражителях эмоций (художественное творчество)» [Лезин 1911: 3]. При этом способы мышления принципиально едины: так,

в художественном творчестве обнаруживаются «тончайшие изгибы обыденного мышления». Исследователь подчеркивает, что «художественная деятельность мотивируется не извне, а изнутри» и является «порождением какой-то внутренней, душевной потребности» [Там же], а также выделяет мысли, уже отмеченные у Д. Н. Овсяннико-Куликовского, о неразрывной связи осознаваемого и бессознательного в мышлении, о мысли как абстрагировании чувственных восприятий, о слове как необходимом компоненте преобразования низших форм (познания) в понятия, о языке как способе сбережения психической энергии, а также идущую от В. фон Гумбольдта мысль о том, что слово не выражает готового понятия.

Д. Н. Овсяннико-Куликовский вполне разделял мнение А. А. Потебни о единичных началах теории словесности и теории языка, объединяемых исследованием образа, лежащего в основе слова и поэтического произведения.

Под влиянием популярной в свое время философии Э. Маха «потебнианцы» рассматривают науку и искусство прежде всего психологически — как комплексы переживаний индивидов, которые исследователь должен наблюдать, описывать, но не объяснять. Значит, художник, по мысли Д. Н. Овсяннико-Куликовского, — это тот, кто «ловит образы», возникшие в обыденном мышлении, вербально фиксирует их и тем самым предопределяет их развитие в дальнейшем восприятии читателей, «рвущемся из словесных пеленок». По сути, в этой работе ученый предлагает рассматривать продуцирование и понимание текста как специфическую деятельность, что в современной психопоэтике стало общепризнанным основным теоретико-методологическим постулатом. И вновь подчеркивается и перефразируется мысль В. фон Гумбольдта о том, что слово только указывает путь понимания, заставляя мысль читателя «работать в том же направлении и духе, в котором работала мысль художника» [Овсяннико-Куликовский 1989: 316].

Язык как средство сбережения «психической силы», экономии познавательных усилий

Психическая сила мысли, с точки зрения Д. Н. Овсяннико-Куликовского, во многом определяется ее абстрактностью

и в целом способностью языка к образованию абстракций всё более высокого порядка. Важнейшим проявлением абстрактности языка исследователь считает лексическое значение (содержание) слова, которое способно обозначать или типичные образы («путь искусства»), или понятия («путь науки»), тем самым сохраняя, сберегая «психическую силу», т. е., в современных терминах, операционализируя мышление. Чувство же всегда конкретно, а потому «расходует и рассеивает» эту силу. Ученый предлагает специфическую классификацию чувств, «основанную на эволюционном критерии»: чувства органические/биологические («мышечное, общетелесное (здоровья, нездоровья), голод, жажда, сытость, половое и др.»); надорганические (любовь и «идеализированная страсть»); социальные («семейные, общественные, правовые, политические»); надсоциальные («ряд высших идей, чувств, стремлений» — религиозных и нравственных), по-разному определяющие процесс сбережения психической силы, «экономии психики человеческой». Наиболее важными с точки зрения экономии психики являются надсоциальные чувства [Овсянко-Куликовский 1989].

Личность образуется вследствие развития социальных чувств, но в ней синтетически объединяются все биологические и психические процессы: «Личность есть конечный результат психологической переработки индивида силами осложняющейся, прогрессирующей общественности» [Овсянко-Куликовский 1989: 316], и становление ее связывается с огромным количеством неодинаково воздействующих факторов: от национальных до профессиональных.

Заключение. Любое историографическое исследование в лингвистике, во-первых, устанавливает роль анализируемой концепции в формировании фундаментальных направлений языковедения, новых методов и интерпретативных концептуальных систем, во-вторых, фиксирует актуальность рассматриваемой концепции и ее место в современной лингвистике, наконец, подчеркивает значимость личности ученого не только как участника становления и развития научной парадигмы, но

и как человека, способного преодолевать формальные и даже содержательные рамки направлений, течений, парадигм и нащупывать предметные области и свойства объекта, которые хотя бы в малом опережают время. Д. Н. Овсянко-Куликовский — один из когорты крупных ученых, сосредоточившихся на существенных вопросах психологии творчества и подчеркнувших важность ряда и сейчас актуальных теоретических проблем, определяющих теоретико-методологические основания изучения психологии вербального творчества. Это определение сущности психических процессов; попытки их нейрофизиологического обоснования; специфика мышления автора и текстового представления «авторского» содержания и его понимания; соотношение культурологического содержания и смысла слова; «стили» художественного мышления и др. При этом художественная речь впервые начала рассматриваться как тип психологической деятельности человека, в которой производится эстетически значимый смысл слова. Авторы «Вопросов теории и психологии творчества» оставили нам первые формулировки междисциплинарных проблем в области изучения психологии творчества и в целом актуализировали вопросы гносеологии в литературоведении, которые вытекают из постулируемого единства оснований теории словесности и теории языка и необходимости исследования отношений между психологическим аспектом языка, мыслью и процессом творчества, объединяемых исследованием образа, лежащего в основе слова и поэтического произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Илизаров С. С.* Человек книги Тимофей Иванович Райнов // Библиотекосведение. 2017. Т. 66, № 4. С. 411–421. <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2017-66-4-411-421>.
2. *Лезин Б. А.* Предисловие // Вопросы теории и психологии творчества. Т. 1 / ред.-изд. Б. А. Лезин. Харьков: Мирный труд, 1911. С. 3–4.
3. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Введение в ненаписанную книгу по психологии умственного творчества (научно-философского и художественного) // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Москва: ИНИОН РАН, 2001. № 1 (12): Философия и психология творчества. С. 226–244.

4. Овсянико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. 526 с.

5. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики. М.: Р.Валент, 2021. 488 с.

6. Пищальникова В. А. Проблема соотношения языка и мышления в трудах Д. Н. Овсянико-Куликовского (к 160-летию со дня рождения ученого) // Русский язык в школе. 2013. № 6. С. 74–80.

7. Сухих С. И. Психологическое литературоведение Д. Н. Овсянико-Куликовского: из лекций по истории рус. литературоведения. Нижний Новгород: КиТиздат, 2001. 120 с.

8. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 414 с.

9. Шумейко Ю. А. Теория «наблюдательно-го» и «экспериментального» методов в искусстве Д. Н. Овсянико-Куликовского как развитие идей харьковской лингвистической школы // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2014/11/7975> (дата обращения: 30.10.2022).

10. Энгельгардт Б. М. Избранные труды / под ред. А. Б. Муратова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995. 321 с.

REFERENCES

1. Ilizarov S. S. Timofey Ivanovich Rainov, the man of book. *Bibliotekovedenie = Russian Journal of Library Science*. 2017;66(4):411–421. (In Russ.) <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2017-66-4-411-421>.

2. Lezin B. A. Foreword. *Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva. T. 1. Red.-izd. B. A. Lezin = Questions of theory and psychology of creativity. Vol. 1. Ed. by B. A. Lezin*. Kharkov: Mirnyi trud = Peaceful labor, 1911. P. 3–4. (In Russ.)

3. Ovsyaniko-Kulikovsky D. N. Introduction to the unwritten book on the psychology of mental creativity (scientific-philosophical and artistic). *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty = Man: Image and essence. Humanitarian aspects*. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 2001;1:226–244. (In Russ.)

4. Ovsyaniko-Kulikovsky D. N. Literary and critical works: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Fiction, 1989. 526 p. (In Russ.)

5. Pishchalnikova V. A. History and theory of psycholinguistics. Moscow: R. Valent, 2021. 488 p. (In Russ.)

6. Pishchalnikova V. A. The problem of the correlation of language and thinking in the works of D. N. Ovsyaniko-Kulikovsky (to the 160th anniversary of the scientist). *Russkii yazyk v shkole = Russian Language at School*. 2013;6:74–80. (In Russ.)

7. Sukhikh S. I. Psychological literary criticism of D. N. Ovsyaniko-Kulikovsky: from lectures on the history of Russian literary criticism. Nizhny Novgorod: KiTizdat, 2001. 120 p. (In Russ.)

8. Shakhovskiy V. I. Linguistic theory of emotions. Moscow: Gnosis, 2008. 414 p. (In Russ.)

9. Shumeyko Yu. A. The theory of "observational" and "experimental" methods in art by D. N. Ovsyaniko-Kulikovsky as a development of the ideas of the Kharkov linguistic school. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya = Humanities scientific research*, 2014;11 [Electronic resource]. URL: <https://human.snauka.ru/2014/11/7975> (accessed: 30.10.2022). (In Russ.)

10. Engel'gardt B. M. Selected works. Ed. by A. B. Muratova. Saint-Petersburg: Publishing house of SPbU, 1995. 321 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Вера Анатольевна Пищальникова, доктор филологических наук, профессор

Vera A. Pishchalnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 02.11.2022; одобрена после рецензирования 19.11.2022; принята к публикации 02.12.2022.

The article was submitted 02.11.2022; approved after reviewing 19.11.2022; accepted for publication 02.12.2022.